

Казакхстанская

Третья

Время и время первых

Первым Премьер-министром суверенного Казахстана волею судьбы выпало стать Сергею Александровичу Терещенко. И мы накануне праздничной даты попросили его вспомнить о том, какими решающими событиями оказались отмечены первые годы становления нашего государства.

На обломках империи

– Сергей Александрович, Вам довелось стать не только свидетелем, но и активным участником важнейших событий в истории Казахстана. Понятно: однозначно оценить время периода развала Союза невозможно, и тем не менее что из того времени запало в память и в сердце?

– Нам пришлось работать в те самые «бушующие и яростные годы», когда оказалась на сломе большая когда-то страна, и на ее осколках нам предстояло строить новое государство. Кто-то может сказать, что порой мы совершали ошибки, что нас бросало из одной крайности в другую. Но, согласитесь, не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Тем более что мы шли по неизведанному пути, многое приходилось делать впервые. А первым быть, как известно, всегда непросто, хотя, как говорили великие, даже неверный шаг может привести к открытию новых дорог. И таких новых дорог мы открыли немало – и в политике, и в экономике, и в социальной сфере.

В 1990-м году по всем союзным и автономным республикам прокатился знаменитый «парад суверенитетов», когда они одна за другой стали выходить из состава СССР. Первыми вышли прибалтийские страны. Я,

будучи в высшем эшелоне власти, понимал: все идет к краху. Экономическая ситуация была очень сложной – пустые полки магазинов, тотальный товарный дефицит, развал межхозяйственных связей... Все активнее раздавались голоса в пользу экономической самостоятельности и политического суверенитета, хотя центр еще пытался командовать, в том числе и экономикой.

Например, у нас в Казахстане 93% собственности было союзно-республиканской, все крупные предприятия работали под началом союзных министерств. Скажем, тот же Карметкомбинат подчинялся Министерству черной металлургии СССР, свинцовые заводы в Шымкенте и Усть-Каменогорске – Министерству цветной металлургии.

– Не секрет: поначалу все мы радовались, что к власти на смену кремлевским старцам пришел молодой, энергичный руководитель Михаил Горбачев...

– И он говорил правильные вещи, с ним в нашу жизнь вошли такие понятия, как «перестройка», «новое мышление». Но вскоре люди поняли – ничего из того, что правильно говорилось, не делалось. А если и делалось, то без четко продуманной программы.

В стране началось сокращение национального дохода, что привело к резкому ухудшению уровня жизни людей. Везде выстраивались огромные очереди. Нынешние молодые, наверное, не знают, а ведь тогда были введены карточки не только на продукты питания, но и на товары первой необходимости. Не спасали и экономические реформы.

– А почему, как Вы считаете?

– Потому что они не затрагивали основ старой командно-административной системы. А ведь еще Пушкин говорил: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань», а у нас пытались «запрячь в одну телегу» плановую социалистическую экономику, жесткий диктат центра и рынок. Скажем, вместо создания общесоюзной рыночной инфраструктуры была сделана ставка на так называемый «региональный хозрасчет», при котором в республике передавалась часть государственной собственности. В то же время некоторые из них решили не отчислять средства в союзный бюджет, провозгласив приоритет республиканских законов над союзными. В итоге развалился не только политический Союз, но и единое экономическое пространство.

– Сергей Александрович, вы сказали, что тогда была предпринята попытка модернизировать Советский Союз. Как модернизировать и почему этого не случилось?

– Чтобы создать обновленный Союз, надо было принять новый союзный договор. Работа над ним началась весной 1991 года и проходила в подмосковной резиденции Ново-Огарево. Это событие вошло в историю как Ново-Огаревский процесс. Кстати, в нем принимал участие и Казахстан.

Если говорить о том, почему этот договор так и не был подписан, то, на мой взгляд, главная проблема состояла в том, что Горбачев не хотел ни с кем делиться властью. А надо было либо создавать конфедерацию по типу швейцарской, либо наделять республики большими полномочиями.

При этом были бы общие границы, общий рынок, общая валюта, при политической самостоятельности входящих в Союз государств. Естественно, Горбачева это не устраивало, ибо такой союзный договор существенно понижал его положение как президента страны.

– Итогом этих неудачных политических и экономических реформ стал печально известный августовский путч 1991 года. И эти события тоже разворачивались на Ваших глазах.

– Знаете, не буду воспроизводить хронику путча. Во-первых, истину мы все равно не узнаем. Вспомнить хотя бы слова Горбачева, когда он вернулся из Фороса в Москву, что всей правды о случившемся он все равно не расскажет.

В то же время остается факт: августовский путч ускорил развал Союза – уже 20 августа 1991 года парламент Эстонии принял постановление о государственной независимости. Аналогичный документ на следующий день принял парламент Латвии. 24 августа стала независимой Украина.

До конца августа такие же документы были приняты в Беларуси, Молдове, Азербайджане, Кыргызстане и Узбекистане. В декабре из Союза вышел и Казахстан.

– После подписания Беловежского соглашения, поставившего точку в существовании СССР, был создан Союз независимых государств – СНГ.

– Прежде всего напомним, что окончательно судьба СНГ была решена у нас – в Казахстане – на исторической Алматинской встрече 21 декабря 1991 года, когда была подписана Декларация о прекращении существования СССР и образовании СНГ.

Но в СНГ не было цементирующего ядра, того самого наднационального центра, как это было в СССР (при этом я ни в коем случае не ратую за его возврат), который бы активно регулировал (не диктуя!) происходящие на пространстве СНГ события, решая интеграционные вопросы, прежде всего экономические. СНГ создавалось для «цивилизованного развода», а все остальное, это уже, как говорится, дело десятое.

Безусловно, в период распада такого гиганта, как СССР, архиважной была проблема мирного расхождения союзных республик по своим суверенным «квартирам». Мы, например, делали все, чтобы не допустить кровопролития. Важным было и сохранить границы, выстроить нормальные отношения с соседями. Ну и, конечно, заявить о себе миру.

– Первые ростки независимости, как известно, проявились уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда Вы занимали пост первого заместителя председателя Верховного Совета республики.

– 15 марта 1990 года на внеочередном III Съезде народных депутатов СССР Горбачев был избран Президентом СССР. После чего аналогичные институты стали создаваться в союзных республиках, в том числе и у нас – в Казахстане. Мне как первому заместителю председателя Верховного Совета тоже пришлось подключиться к аналогичному процессу.

Для работы над законом «О Президенте» мы собрали группу ученых, в которую входили, в частности, такие известные юристы, как профессор Салык Зиманович Зиманов, Николай Ильич Акуев, Гайрат Сапаргалиев. В итоге документ был принят.

Следующим судьбоносным шагом стало принятие 25 октября 1990 года Декларации о государственном суверенитете. Документ заложил основу для развития независимости страны, закрепив принцип разделения государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. При этом Верховный Совет получил прерогативу законодательной власти, Президент, будучи главой республики, – распорядительно-исполнительной, а Верховный суд – судебной.

В этот же день Нурсултан Назарбаев после избрания его Президентом рекомендовал избрать меня своим заместителем. При этом сделаю такое пояснение. Должность вице-президента появилась позже, в декабре, ее тогда занял Ерик Асанбаев, а я был просто заместителем Президента.

– И какая здесь разница?

– По сути, я был руководителем президентской канцелярии. В Верховном Совете меня все знали. Кроме того, я немного владел казахским языком, что сыграло немаловажную роль, и меня избрали практически единогласно. Первое задание, которое я получил от Первого Президента, – составление текста указа о 45-летию Победы. Помню, несколько растерялся: с кем писать-то? Тогда весь президентский штат состоял всего из двух человек – самого Нурсултана Абишевича и его заместителя. Но мы подключили к работе Верховный Совет, Совет министров.

На тот момент в республике было порядка 250 тысяч участников Великой Отечественной войны. Все они очень ждали появления этого документа, и, мне кажется, мы подготовили неплохой указ. В нем предусматривался целый ряд льгот для ветеранов.

Надо сказать, что это, по сути, был первый указ казахстанского Президента.

Первые шаги суверенного Казахстана

– Пришлось, по сути, создавать суверенный Казахстан. Что было самым важным?

– Да все, ведь рухнула экономическая система единой когда-то страны, и из этой разрухи надо было как-то выходить. Приходилось решать огромное количество экономических вопросов – поддерживать предприятия, выплачивать людям зарплату и пенсию, заниматься разделом имущества...

Все это предстояло делать самим и впервые, причем в архисложных условиях, ведь в начале 90-х годов Казахстан стоял у края пропасти. Объем промышленной продукции сократился наполовину, в сельском хозяйстве спад составил почти треть. Инфляция была просто сумасшедшая – 2 400%, 2 600%... Останавливались промышленные

гиганты, страну захлестывала безработица, началась массовая миграция.

Государство не справлялось с управлением собственными предприятиями, они работали на склад, а не на продажу. В то же время деньги от того, что удавалось продать, а также оборотные средства оседали за рубежом на личных счетах оборотистых дельцов, либо просто прикармливались. На всех участках катастрофически не хватало средств, люди месяцами не получали зарплаты и пенсии, а потому в ход пошли натуроплата и бартер. В стране появилась реальная угроза холода и голода.

И я горжусь тем, что нам удалось пройти через этот жесточайший политический, экономический и социальный кризис без войны и революций, без социальных потрясений.

Важно и то, что с самого начала мы очертили свои границы, поэтому у нас нет никаких приграничных проблем ни с Китаем, ни с Россией, ни с другими государствами. В то время как у многих республик границы до сих пор еще не оконтурены. А сколько реформ проведено! Была создана и мощная законодательная база...

В то же время кардинальное реформирование экономики мы начали еще до обретения независимости, например, тогда были приняты законы о государственной приватизации, о кооперативах и малых предприятиях.

Вспомните малую приватизацию – магазинов, ресторанов, парикмахерских, ателье и так далее. Она осуществлялась в первую очередь. Все было продано. При этом имелось ввиду, что люди сами начнут платить за аренду, зарабатывать деньги. Разве это не успешно у нас произведено?

Посмотрите на современные торгово-развлекательные комплексы, супермаркеты, ведь начало всего этого было там, в конце 80-х – начале 90-х годов.

Многие уже забыли, насколько остра была тогда ситуация. Это сейчас некоторые говорят, что задарма все раздавалось и надо было делать по-другому. А тогда мы готовы были отдавать предприятия за символическую стоимость, лишь бы они работали, платили налоги в бюджет, выдавали людям зарплату. Ведь работающие месяцами денег

не видели. А семьи-то надо кормить. Пенсионеры по полгода не получали пенсий...

- Но ошибки-то были?

- Конечно. И порой они возникали как своего рода рикошет от действий российских экономистов. Скажем, в первые месяцы государственного суверенитета мы вынуждены были повторять некоторые непопулярные действия Москвы, ибо с ней еще тесно связывались финансово и экономически.

Возьмем для примера либерализацию цен, которая произошла в России в начале 1992 года. У нас аналогичный президентский указ появился 6 января 1992-го, что, по сути, означало проведение шоковой терапии, ведь свободное плавание рубля привело к резкому повышению цен. Этот шаг нанес еще один тяжелый удар по бюджету населения.

Тогда многие увидели в этом чуть ли не ограбление населения. В то же время при фиксированных ценах начинать реформы было просто нельзя, ведь свобода цен – это основа любых рыночных отношений. Причем либерализацию цен мы старались проводить постепенно, чтобы снизить негативное влияние процесса на людей. Да, было жестко, но кто-нибудь сегодня может сказать, что этого делать было не надо?

Только представьте – в 1992 году инфляция составляла 2 500%! Ухудшение условий жизни вызвало широкую волну народных протестов. Это было время митингов, забастовок и протестных демонстраций.

В промышленности сложилось чрезвычайно тяжелое положение – больше половины предприятий сократили объем производства. Появился кризис платежей: заводы и фабрики не оплачивали полученную продукцию, взаимные расчеты не производились, производство оказалось парализовано.

Как выходить из этой ситуации? Готовых рецептов ни у кого не существовало, даже у наших многочисленных западных консультантов. Мы оказались вынуждены выживать самостоятельно.

При этом лишь об одном очень сожалею, и это связано с периодом, когда мы ввели национальную валюту, – нам не удалось защитить сбережения граждан. Потом уже попытались как-то индексировать, компенсировать

потери, но многие до этого просто не дожили. Если я что-то и записываю себе в минус, то, наверное, это.

Хотя в целом обмен рублей на тенге в течение трех суток мы провели блестяще – не было никаких массовых недовольств. Опять же спасибо нашему народу за то, что он проявил терпение и выдержку.

– И тем не менее критики в ваш адрес было много, особенно со стороны некоторых мажилисменов.

– Да, у наших парламентариев выдержки не было, и работать с ними оказывалось иногда очень трудно. Мажилисмены просто не хотели выслушивать наши доводы, и зачастую дебаты заканчивались банальной руганью.

Мне иногда по шесть часов приходилось отвечать на вопросы парламентариев, при этом, бывало, нелицеприятные эмоции перехлестывали через край, приходилось выслушивать вплоть до оскорблений. Один депутат с трибуны кричал примерно следующее: «Ты, Премьер, каким черпаком жирные куски достаешь для своих родственников?»

А моих родственников по пальцам можно было пересчитать, и все работали, занимались своим делом – жена и сестра учительствовали в обычной средней школе. Дочери учились, причем не за границей, где сейчас учатся дети практически всех крупных государственных чиновников, а здесь, у нас в республике, поэтому я никому, в том числе и себе, никаких «жирных кусков» не доставал.

И то, что моей команде удалось продержаться в этом бушующем море целых три года, разве не является показателем того, что работали мы не так уж и плохо, несмотря на все упреки, которые тогда пришлось выслушать в свой адрес?

При этом на нашу долю выпало самое трудное время, поэтому в том, что сегодня Казахстан стал узнаваемой и уважаемой страной, с которой считаются во всем мире, я думаю, это и есть наша заслуга.

Беседовала Елена БРУСИЛОВСКАЯ